

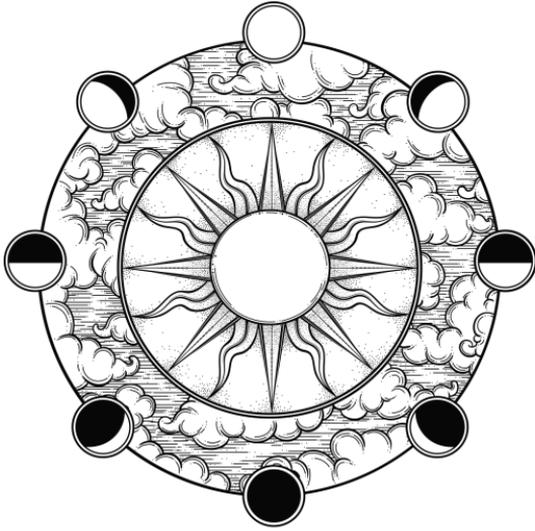
СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Сборник
жутких рассказов

**LIKE
BOOK**

Москва

«Красный сейд»,
Лиза Белоусова

«Дети мха и полыни»,
Джой Моен

«Танец купалки»,
Алена Тимофеева

«Гора одинокой ведьмы»,
Кэтрин Болфинч

«Горсть боярышника»,
Юлия Мухина

«Летняя невеста»,
терновье

«Ворон и Ласточка»,
Лера Сид

«Венок из васильков»,
Алекс Нокс

«Знак Велеса»,
Евгения Санакоева

«Лиса-3»,
Адела Кэтчер

«На ту сторону болота»,
Дарья Раскина

«Стая»,
М. Дрюан

«Огонь, который
спас нас»,
Рия Миллер

СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Сборник
жутких рассказов

**LIKE
BOOK**

Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Художественное оформление *А. Андреева*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Olga_TG / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на переплете *терновье*

Солнцестояние : сборник жутких рассказов. — Москва :
С60 Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-221554-4

Здесь праздник вечной победы Солнца над тьмой, что окружает наши сердца. Но кто сказал, что свет не бывает опасен?

Здесь ведьмы танцуют вокруг костров, русалки заманивают в холодные глубины, а от людей жди беды и обмана. Трудно выжить в огне любви и ненависти, что сливаются в человеческих душах.

Пройдешь ли ты дорогу, путник, не потеряв себя?

Вашими проводниками выступят: Лиза Белоусова, Джой Моен, Алена Тимофеева, Кэтрин Болфинч, Юлия Мухина, терновье, Лера Сид, Алекс Нокс, Евгения Санакоева, Адела Кэтчер, Дарья Раскина, М. Друян и Рия Миллер.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

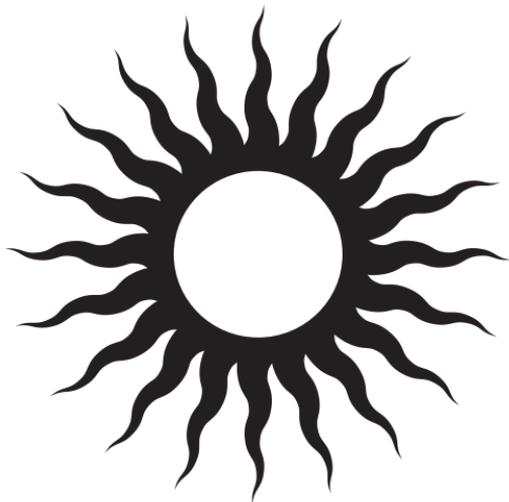
© Белоусова Л., текст, 2025
© Моен Дж., текст, 2025
© Тимофеева А., текст, 2025
© Болфинч К., текст, 2025
© Мухина Ю., текст, 2025
© терновье, текст, 2025
© Сид Л., текст, 2025
© Нокс А., текст, 2025
© Санакоева Е., текст, 2025
© Кэтчер А., текст, 2025
© Раскина Д., текст, 2025
© М. Друян, текст, 2025
© Миллер Р., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221554-4

ЛИЗА БЕЛОУСОВА

КРАСНЫЙ
СЕЙД

Все началось весной; та подкралась, как зверь на мягких лапах. Снег таял, капёль барабанила по окну, а в воздухе витало обещание чего-то — мокрого, тягучего, мучительного, — словно что-то вот-вот произошло бы. Что-то огромное, что-то вроде судьбы. Хотелось метаться из угла в угол, выть, скулить, кусать себя за хвост, а еще — бежать, как бездомная и безродная собака. Просто так, без припасов, без плана, дальше и дальше, пока пейзаж не станет таким плоским, что небо коснется земли.

Я представляла себя посреди ничего, отсыревшей от измороси статуей во мхе, на которую никто не смотрит. И каждое утро думала, как кто-нибудь зайдет в мою квартиру, оставленную позади, затянутую паутиной и пылью, с воздухом, пропахшим клеем, — пока я стою, стою, стою там. Ни живая ни мертвая. В тишине, совершенной и хрупкой, как озерная гладь.

Мама говорила, это у меня от отца. Его тоже вечно манило куда-то — только в отличие от меня он всегда уходил... пока в конце концов не пропал совсем. Из воспоминаний о нем остались лишь каштановые кудри и то, как он мурлыкал что-то, меряя комнату шагами. Точь-в-точь как я иногда. Мать вообще часто повторяла: «Ты со-

всем как он», — с нежностью, потому что хотела, чтобы я любила его, а я не замечала, как слой за слоем лепила из себя кого-то другого. Лишь бы *не как отец*, лишь бы не выгрызть в ком-то то же пустое пространство, что и он во мне.

Однажды, еще в начальных классах, я собрала рюкзак со спичками, чипсами, газировкой и геймбоем. Кинула его в прихожей, пока зашнуровывала кроссовки; мама еще не вернулась с работы, в коридоре кружила книжная пыль. Отличный момент, чтобы улизнуть, — в карманах даже наскреблись монеты на электричку. Я уже почти перешагнула порог, когда перед глазами встала картина: поворот ключа, мама, вешающая куртку в прихожей. Она крикнула бы: «Я дома!» — но встретили бы ее лишь молчание да немытая тарелка в раковине. Она окликнула бы, как в лесу: «Дина! Дина!» Громко тикали бы настенные часы, а я бы все не возвращалась, и она сидела бы на диване одна, со своим любимым журналом, который не могла читать, уставившись в никуда.

Кроссовки я отшвырнула и никогда больше не надевала, однако это не означало, что дорога не сводила меня с ума. Напротив: пела еще настойчивее, как сирена, разгневанная тем, что моряк отверг ее дар. Но я знала — отпусти я себя, остановиться не получилось бы: какие-то силы носили бы меня, пока не забрали окончательно, и на маминой прикроватной тумбочке появилась бы еще одна фотография. Мы с отцом встали бы в ряд, два ее любимых призрака, и она оглаживала бы наши лица уставшей рукой, одинокая женщина, запертая в некогда счастливом доме, откуда все ушли, не проронив ни слова.

К сожалению, заткнуть уши воском я не могла, зато вполне успешно притворялась, будто никаких голосов нет. Однако рано или поздно сломалась бы, как ломает-

ся каждый, кому знаком зов — приключения ли, бездны или охоты. Есть вещи, перед которыми плавится самая стальная воля, вещи, в которых мы растворяемся.

Неудивительно, что это случилось весной: в этом году она наступила слишком рано и разлилась, словно ртуть. Таблетки, что я пила, не успели подействовать, и реальность зыбилась, так что на нее было никак не опереться, и я тонула, соскальзывала, захлебывалась. Хохот детей, лай собак, музыка из колонок и пролетающих мимо автомобилей нарастали так, что гудело в висках. Я запирала окна, распластывалась на полу и судорожно включала медитацию на наручных часах — трель индийских колокольчиков, в такт которым нужно вдыхать и выдыхать, изгоняя хаос в дальние области сознания. Только он не исчезал совсем — клубился вулканическим дымом, обещая просочиться сквозь расщелины.

Я твердила себе: *будь здесь. Будь здесь* — и держала демонов на цепи. В этом не было ничего нового; я давно научилась, как с этим справляться. По крайней мере, так казалось... Пока в гости не приехала мама.

Она улыбалась, когда я открыла ей дверь, но улыбка угасла, едва она ступила на коврик при входе. Я вдруг осознала, что в квартире сгущается наждачная духота, на полках копятся блистеры из-под таблеток, а стол завален пакетами из доставки. Стены, выкрашенные в персиковый цвет, казались блеклыми; и без того тусклые солнечные зайчики меркли, будто канув в тину. Сопrotивляясь *тяге к побегу*, я опять парализовала себя, и тернии опутали мой дом. Нашептывали: *двинешься — и пропадешь, и никогда не найдешь путь обратно или не захочешь искать*.

Мама несмело шагнула в зал. В своем задорном «пчелином» пальто и фиолетовых гольфах она казалась лиш-

ней здесь; ее хотелось вытолкать прочь, уберечь от меланхолии, пока она не заразилась. Стыд уколол и заныл, и я прижалась к дверной раме, нервно прикусив ноготь мизинца. Мама коснулась сушеной лаванды в вазе, поморщилась, когда отогнула шторы и обнаружила разводы на подоконнике. Лучше бы она ткнула лицом в грязь, но она никогда так не делала — лишь скинула одежду на диван, сказав:

— Давай-ка освежим атмосферу, — и распахнула балкон, засуегилась, выметая и выгребая все ненужное. По полу гулял еще по-зимнему морозный сквозняк, но чем холоднее становилось, тем легче было двигаться, и я увязывалась за ней: сливала из ведра черную воду, отжимала и меняла тряпки, вытирала зеркала. Вскоре все благоухало сиренью и лимоном; тюль колыхался на ветру, щебетали птицы. Поясницу приятно ломило, и я, не смотря на то что продрогла насквозь, упиралась в кухонный кафель босыми стопами, чтобы чувствовать остро и ярко. Не только прохладу, но и пар от кружки с чаем, выющийся на тонком, будто пряжа, свету — солнце за прозрачными окнами клонилось к закату.

Впервые за долгое время мне было почти хорошо. Мы пили чай, окуная в кипяток задубевшие баранки, и, не включая лампы, ловили тот миг, когда сумеречная лазурь вылиняет в ночную серость. Вечерело по-прежнему быстро — мартовские дни еще не окрепли — но, когда мама встрепенулась в кресле и я оторвала взгляд от неба, оказалось, что в комнате совсем темно. Что-то тревожное — громадное, но бесшумное — заскреблось в затылке.

— Тебе нужно что-то решать, — мягко, но настойчиво сказала мама. — Так нельзя.

— Я в курсе, — хмыкнула я. Мы повторяли одно и то же, одно и то же, по кругу, уже много лет.

— Дина, тебе скоро двадцать восемь. Не уступай страху свою жизнь. То, что случилось с папой, тебе не грозит. Ты просто жрешь саму себя.

Если бы тебе угрожало что-то родовое, оно бы постигло тебя давным-давно. Но я не считала, что меня гложет проклятие; скорее кто-то, у кого нет имени. Кто-то, с кем отец заигрывал, давая повод украсть его, — а я, спасаясь, играла в прятки.

— Возможно, стоит попробовать что-то новое, — продолжила мама. — Чаще всего дурные предчувствия не сбываются, дорогая.

С той лишь разницей, что сбываются. Редко, но всегда — когда расслабляешься и допускаешь, будто *все может сложиться просто замечательно.*

Я не могла сказать, почему позволила поводку выскользнуть из пальцев. Может, у мамы получилось убедить меня; может, я поверила, что в самом деле нуждаюсь в *глотке свежего воздуха.* Но скорее всего, хищник, что крался за мной, тот, кто забрал отца и вынюхивал запах его крови, наконец нашел и его дочь. Переплел дороги, чтобы каждая вела к нему.

Едва ли у меня был выбор, поддаваться или нет, но я винила весну. То, как она стекала по небесному полотну, словно дождь-слезы по церковным витражам, пульсирующая, всеобъемлющая. Распускалась, звала. Какая-то часть меня билась в клетке, мечтая — нет, *умирая* — причаститься чему-то, испытать что-то, с чем соединены остальные, но не я. Просто выйти на улицу, раскинуть руки и почувствовать, как солнце осеняет меня, греет изнутри; и если ринуться со всех ног, можно будет перегнать коршуна или орла.

Все решилось прозаично. Наверное, я повернулась к форточке, из-за которой веяло пьянящей сладостью. Что-то вонзилось под ребра, дернуло беспощадно, как если бы *то, что рвалось на свободу во мне*, натянуло цепь. И мама заметила; не могла не заметить, ведь трещина в моей защите зазмеилась, точно скол по фарфору — не нужно и стараться, чтобы разбить.

— Предложу кое-что, — заговорщицки подмигнула она. — Вариант, с чего начать.

* * *

Вариантом оказалась ее коллега, улетающая в Дубай. Я о ней слышала: молодая, дерзкая, амбициозная. Они с мамой обедали вместе, когда та приезжала из Питера. Мне она представлялась высокой леди с обманчиво-небрежным блондом и почему-то с красной помадой; одной из тех женщин, что в одной руке взбалтывают в бокале просекко, а второй гневно печатают что-то на макбуке. Какая она, я, впрочем, так и не узнала: ей нужен был кто-то, кто позаботился бы о ее даче в Карелии с июня по октябрь, и, когда мама предложила меня, она сразу отдала ей ключ — мы даже не созванивались. Пока я пересекала границу Ленинградской области, коллега-с-красной-помадой-а-может-и-без обустроивалась в апартаментах с видом на «Бурдж-Халифа».

Список того, за чем нужно проследить, она направила через мессенджер, с аккаунта без аватарки, заодно с: «Ни в чем себе не отказывай». Там не было ничего сложного: от меня требовалось лишь занимать место, создавая иллюзию, будто в доме кто-то есть. Словно так она обхитрила бы его, и он не покосился бы и не скукожился, как часто случается с избами, где никто не живет.

Совесть не давала покоя: его могла бы снять семья с двумя детьми и собакой или айти-специалист с выгоранием. Кто-то, кто заплатил бы. Но она пустила туда меня, потому что мама наверняка рассказала, как мне *трудно, но она борется — ей бы отдохнуть на природе... это бы ей очень помогло...* Однако грех был жаловаться: фотографии дачи словно скопировали из каталога элитной недвижимости. Два этажа, просторная веранда с подвесным креслом; внутри — дерево, шкуры, отполированная черная посуда. Идеальная, дорогая простота — и все это прилегало к озеру с островками, рассыпанными, точно ягоды.

— Кстати, — обмолвилась мама, — к ее участку относится кусочек леса. Можно собирать чернику. Морошку вряд ли, но может, и повезет.

И я представляла себя на опушке — на заре, пока спят даже птицы, так что, если постараться, можно выпить их сны, смешанные с росой. С низин крался бы туман, и ели в нем казались бы великанами; я брела бы сквозь мглу, исчезая во тьме, разлитой между стволами.

Приятная фантазия. Она вертелась в мыслях, пока я запиховала в сумку репелленты, несколько пауэрбанков и протеиновые батончики; заманивала дальше, глубже. Нашептывала соблазнительное: *там тебе станет лучше. Тебе это нужно.*

Я никогда не думала настолько оптимистично; настолько, что подозревала — те мысли вовсе не мои. Стоило извиниться и вернуть ключ, но я устала. Наверное, волк, даже сытый, все равно смотрит в лес. Не то чтобы я считала себя диким зверем, и тем более волком, однако, ожидая июнь, сгрызла ногти под корень; *в путь, в путь* — билось в венах, как адреналин в ком-то, кто балансирует над обрывом и убежден, что бессмертен.

Карелия снилась каждую ночь: будто я лежала на берегу реки, извивающейся в каньоне, и все вокруг сверкало и серебрилось, залитое солнцем — столь ярким, что свет исходил будто бы отовсюду и ничто не отбрасывало тени.

Лето проклюнулось из весны, точно дерево из праха. Мама меня не провожала: уезжала я до рассвета, по пустой Ленинградке, подернутой апокалиптической вуалью. Только обнимая меня на прощание, зачем-то предложила:

— Может, перенесешь на другой день? Дом не рухнет, если приехать чуть позже.

— Почему? — изумилась я.

— Солнцестояние, — поджала губы она.

Отец исчез, а его самолет взлетал как раз на солнцестояние. Мама запомнила, потому что это его позабавило, а она, пока ждала его звонка после приземления, сидела у окна и смотрела на солнце. Подстерегала тот миг, когда оно встанет в высшую точку. Но он так и не позвонил.

— Ты же в такое не веришь, — упрекнула я. И из чувства противоречия заправила полный бак накануне мидсоммара, поставила пункт назначения на карте, а к моменту, как проехала через пропускной пункт на платную дорогу, — почувствовала, как *уступила*. В животе развернулась невесомость; сжимая руль, я расхохоталась, безумно даже для самой себя. Белое солнце сияло впереди, будто вело меня лишь оно — пылающее, торжествующее око. От весны ничего не осталось; лето застыло оплавленным воском: нет ничего, кроме него, и никогда не будет.

Сдаваться было приятно. Удовольствие портил лишь едва уловимый голос, напоминающий о последствиях.